

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты ее, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда *et tout ce qui s'en suit*^{1,2} – все это должно быть исполнено по установленному браманами шаблону *под опасением отлучения от касты*. Браманов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты³ представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках; тем не менее, все подчинены одному и тому же капельмейстеру.

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперед и возвысить над прочими каждая свое божество, но все они и каждая из них, слепо повинуюсь веками установленным обычаям, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижерскому жезлу – законам Ману. На одном этом пункте они сходятся и составляют единомышленную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже суб-касты (коих множество) держат членов своей общины⁴, что называется, в «ежовых рукавицах». Их решения безапелляционны и поэтому-то исключение или по принятому выражению «отлучение» от касты является одним из самых страшных наказаний, влекущим за собою ужасные последствия. «Отлученный» хуже прокаженного, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы⁵. Если при самом строгом соблюдении всех требований члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только⁶ вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно «отлученного». Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлученными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как⁷ бы ни были дети неповинны в наказуемом грехе...

С минуты «отлучения» индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего колодца. Никто из прежней касты, тем менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду, или же еще более *осквернить* себя, покупая необходимое у *безкастников* или у европейцев. Во времена браманской власти приказывалось обманывать и обворовывать «отлученного», даже убивать его, так как он был *вне* закона. Теперь он, конечно, безопасен от последнего; но теперь, как и тогда, если по воле судеб ему случается умереть *до* своего прощения и возвращения в касту, для него нет ни

¹ и все, что за этим следует (*фр.*).

² В «Московских ведомостях» далее: со дня рождения до последнего вздоха.

³ В «Московских ведомостях»: Браманическая Индия может быть уподоблена огромному оркестру, разнообразные и разнотонные инструменты которого.

⁴ В «Московских ведомостях»: Разделенные на касты, подразделенные в свою очередь на многочисленные *суб-касты*, их старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой такой касты держат своих членов.

⁵ Игнатий де Лойола (1491–1556) – католический святой, основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

⁶ В «Московских ведомостях» далее: что.

⁷ В «Московских ведомостях»: насколько.

священного костра, ни обрядов очищения: «мэнги»⁸ бросают его в кусты или в воду, как дохлое животное...

Понятно, что против такой силы – она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилён, – не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браманов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям «очищения», а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост *священной* коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы⁹! Путешествие за море (*калани*¹⁰, то есть¹¹ за «черную воду») считается самым тяжким из грехов и требует, вследствие этого, самых строгих очищений. На совершившего такой поступок¹² взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно... Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти чрез подобное «чистилище» и чуть с ума не сошел. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в браманизм и сделался ярким «материалистом», он нам привел причины, против которых возражать было невозможно. «У меня в доме две дочери (говорил он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обещею, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю¹³ их навеки несчастными. Затем старуха-мать¹⁴ до того суеверна, что вследствие такого семейного позора непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством»... Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с браманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких, не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону¹⁵, из тридцати двух приведенных им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первою причиною являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немыслимо *объевропеиться*, – первая должна оказаться совершенно достаточною и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив Гордиев узел, индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку¹⁶, принадлежи он к знатнейшему роду, – как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положение гроба Магомета: говоря метафорически, он повиснет между небом и землей!..

Мудрая поговорка: «от своих отстал, а к чужим не пристал», кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов¹⁷ от гражданской службы есть лишь результат несправедливой, трусливой

⁸ В «Московских ведомостях»: «манги».

⁹ Называется *панч-гайя*, дословно «пять коровьих» (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов. <В «Московских ведомостях»: экскрементов...> – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁰ *Хинди kālāraṇī*.

¹¹ В «Московских ведомостях»: т.е.

¹² В «Московских ведомостях» далее: справедливо.

¹³ В «Московских ведомостях»: Допустив себя быть отлученным, я их этим обещею, ставлю в невозможность найти мужей и делаю.

¹⁴ В «Московских ведомостях» далее: которая.

¹⁵ Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1814, 1815), полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

¹⁶ Отто Бисмарк (1815–1898) – первый канцлер Германской империи, осуществивший план объединения Германии.

¹⁷ Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с *индусами*. Первые даже

политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно выказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство «высшей» к «низшей» (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьезную роль, нежели¹⁸ предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, выказываемое¹⁹ при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым годом²⁰ расширяет между двумя нациями пропасть, которой им²¹ веками не засыпать. Приведу два примера.

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским *beau monde*²², объясняет[ся]²³ двумя причинами: во-первых, мистер С***²⁴ далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьез, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М., не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и еще большее²⁵ состояние, и перешел в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе из-за одной надежды, по его словам, «хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев». Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами, он не делает разницы между могулами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже чуть ли не горячее привязанности к одноверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой...

– Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, – говорил он нам недавно, выражаясь привычным ему восточным и весьма поэтическим слогом. – Сыны одной горькой участи, мы должны²⁶ дружно нести ее, а не растревлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между могулами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М. заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о «болячках» Индии, как он их называл, и по целым часам, бывало, спорили – С*** отстаивая англичан, М. доказывая угнетенное положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашел спор горячее обыкновенного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М. спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, в совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на²⁷ 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочевки экстренные суммы, так называемые «лагерные», каждый год «вспомогательные», а туземцу *ничего*, кроме жалованья? «И ведь все это из денег Индии (добавил он), то есть из кровавого пота

оскорбляются этим названием и зовут себя индийскими *могулами*. Те – семиты, а индусы – арийского племени и разнятся от них <В «Московских ведомостях» выражение «от них» отсутствует> во всем. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁸ В «Московских ведомостях» далее: то.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: незаслуженное чувство презрения, показываемое.

²⁰ В «Московских ведомостях»: мусульман), ежегодно.

²¹ В «Московских ведомостях» далее: и.

²² бомондом, высшим светом (*фр.*).

²³ В «Московских ведомостях»: объясняется.

²⁴ Речь идет об Альфреде Перси Синнетте (1840–1921), английском журналисте, писателе, редакторе газеты «The Pioneer» (Аллахабад, Индия) в 1872–1882 гг., президенте Лондонской ложи Теософского общества. Е.П.Блаватская впервые гостила у Синнетта в Аллахабаде в декабре 1879 г.

²⁵ В «Московских ведомостях»: большее.

²⁶ В «Московских ведомостях»: участи, наша обязанность.

²⁷ В «Московских ведомостях»: до.

несчастной дойной коровы Англии, коровы уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у ней до сих пор не отвалилось вымя»...

Припертый таким образом к стене, С***, блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькутского кабинета, как с собственным карманом, не нашелся что на это ответить и сказал парадоксальную глупость: «Не забудем (пробормотал он), что *мы* в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас и *что было бы несправедливостью заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения*. Вы, туземцы, обязаны платить нам; наши нужды, наконец, более ваших»...

У М. от изумления даже опустили руки.

– «Изгнанники»?.. – воскликнул он, наконец. – Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели...

Но он не закончил. Под перекрестным огнем наших изумленных взглядов, при этой комической выходке сам С*** расхохотался над самим собою... Он, видимо, старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М. не унимался; очевидно, у него сильно накопело на сердце и он через несколько минут снова повел атаку.

– Вот, – заметил он, – мы с вами старые друзья и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками Могольской империи или что мы ведем свой род от дочери Магомета... А просто от того, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу черный фрак и при случае даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он²⁸ красивее ваших черных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более²⁹ сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

– Не спорьте, С***; а главное, не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой черный фрак не спасает меня. Вчера, например, лэди К.³⁰ не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли, что она приказала сказать мне через секретаря лорда К., ее супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать свое «удивление»... Я должен был знать, что лорд К., ее высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что «жены» сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты «по службе». Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец «осмелился» сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

– Лэди К. этим показала только свою природную глупость, – вспыхнула мистрис С***³¹. – Никто, кроме нее³², не сделал бы вам подобной дерзости.

– Совсем нет, – отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. – Делали мне весьма часто и другие ваши дамы, и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. – И он назвал несколько имен. – А если я, в моем исключительном для туземца положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным судьбой и правительством туземцам?

Он сидел нагнувшись над чашкой и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке да черные глаза налились кровью и пылали...

– За Англию, которая меня воспитала, – продолжал он тем же тоном, – за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же возлюбленной Индии, жизнь. Мы как народ неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я

²⁸ В «Московских ведомостях»: костюме, как он ни.

²⁹ В «Московских ведомостях»: менее.

³⁰ Кэролайн Пенелопа Купер (?–1910) – жена Джорджа Эбenezера Уилсона Купера (1824–1908), британского государственного служащего в Индии, лейтенант-губернатора Северо-Западных провинций и главного комиссара Ауда (1877–1882).

³¹ Пейшенс Синнетт (1844–1911) – жена А.П.Синнетта.

³² В «Московских ведомостях»: ее.

знаю, хотя, худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была и богаче, и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал еще ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам... и я *ненавижу их!*.. Помните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придется бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России; нас пугают жестокостью ее правительства. Да знаете ли вы, что на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердарей, героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и ее правительству не сравниться с «благодушным» правительством ее величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал – *мусульманин*³³, другой – армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целою армией³⁴, между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиниться и признать начальником *туземца*, будь последний³⁵ хоть принц крови, то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в черном теле? И в безмолвном отчаянии сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата-мусульманина – в так называемой вами *деспотической России*³⁶!..

---

³³ Генералы-мусульмане составляли 2% от российского генералитета.

³⁴ Всего в период существования Российской империи в русской армии было около 1300 генералов, из которых 132 генерала (10%) были армянами по национальности.

³⁵ В «Московских ведомостях»: он.

³⁶ «– Да! Мне пишут, что пьянство, покровительствуемое правительством, сильно распространяется не только в Индии, но и на Цейлоне, где прежде о крепких напитках и не слыхивали, – сказал художник, оскалив улыбкой свои белые зубы.

– Правительство, быть может, поощряет распространение джина и виски, без которых ведь вы, англичане, не можете нигде обойтись; почему же не препятствуют их употреблению народом власть имеющие туземцы, те же правительственные лица, но из ваших соотечественников? – сказала одна русская дама, мало, как видно, знакомая с порядками в Британских владениях.

– Что такое? – протянула хозяйка дома, расхохотавшись.

И все выходцы из заокеанной Британской империи расхохотались вслед за ней; а природные индусы печально потупились.

– Кто когда-нибудь слышал о правительственном лице из индусов? – продолжала Блаватская. – Да разве правительство королевы Виктории допустит такое унижение?.. О, всероссийская наивность!.. Вы думаете, что у них так же, как у нас!.. Да никогда индус, будь он хоть семи пядей во лбу, дальше нижнего чина не вылезет.

– Позвольте! – прервал ее полковник Гордон. – Неужели у вас в России буддисты и магометане достигают больших чинов?

– Почему же нет, если они служат? Есть множество татар, калмыков и нагайцев – генералов русской службы.

Индусы открыли изумленные глаза и смотрели, словно ушам своим не веря.

– Быть может, они меняют веру, вступая на службу? – заметила м-рс Гордон.

– Никогда! – горячо возразила Блаватская. – Наша варварская страна повеликодушнее вашей гуманной Великобритании.

– У нас и ордена есть особые – знаки отличия, установленные для нехристиан. Мусульман у нас в службе пропасть, особенно в военной! – сказала русская дама.

– Да и буддистов немало! Ведь, нагайцы и калмыки все буддисты, – заметила другая.

– И они могут достигнуть генеральства? – недоверчиво осведомился один из индусов.

– Без сомнения, могут и достигают совершенно наравне с русскими православными, – отвечали мы.

– Не думайте, чтобы в России притесняли русских поданных иноверцев! – вскричала Блаватская, с особой радостью всегда выставляющая преимущества своего покинутого отечества пред другими странами. – У нас веротерпимость полная не на одних словах! И, Божьею милостью, миссионеры никому ножа к горлу не приставляют, как в ваших колониях.

– Но... может быть, такие факты – редкие, особые исключения? – неуверенно допрашивал даму один из молодых индусов.

– Нисколько!.. Все мы знаем десятки генералов-магометан...

– Вероятно, по званию только?.. Им дается генеральство как отличие... в особое поощрение! – заговорили англичане. – Не может быть, чтобы им при этом давались власть и генеральские места?

Второй пример. Семейство одного известного и очень ученого доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трех поколений они христиане-католики, но прадеды, как мужа, так и жены, были чистокровными высокорожденными браманами. И муж, и жена³⁷ воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж – кавалер

– Как!.. Да на Кавказе множество генералов из татар командуют отдельными частями. Во время последней войны с Турцией мой сын служил в полку, которым командовал мусульманин! – протестовала я.

– И ваше правительство не боится отдавать в распоряжение мусульман свои полки?

– И солдаты, и офицеры христиане повинуются иноверцам?

– Да еще в войне с их единоверцами-турками! Это крайне рискованно!

– И вы можете назвать этот полк и его татарина-командира? Вы могли бы также назвать ваших генералов из нехристиан? – посыпались на нас восклицания и вопросы европейцев и бронзовых детей Индии, изумленных нашими словами.

Конечно, мы постарались всем ответить, всех удовлетворить.

Пораженные индусы вынули свои записные книжки и усердно записали данные нами им имена полковников и генералов нехристиан, состоящих на русской службе...

– Это мы покажем! Мы про это расскажем своим! – задумчиво повторили они, покачивая многозначительно головами.

– А еще нам рассказывают, что русские – безжалостные тираны... что владычество над нами англичан – легкое перышко в сравнении с железными тисками, налагаемыми русским правительством на подвластных им иноверцев! – шептал нам один из индусов, пока остальное общество вело шумный разговор о том же предмете.

– Если в одном справедливость, то и во всем она должна быть! – вслух размышлял другой.

– А скажите, – возвысил голос индус, кандидат на судебную должность, – выказывают русские правители уважение чуждым вероисповеданиям, вообще?

Мы отвечали, что, насколько нам известно, и правители, и вообще образованные русские люди относятся почтительно к каждой вере и к каждому храму, будь то мечеть, капище огнепоклонников или даже синагога...

– Нет! Не то, – задумчиво прервал нас законник, – фанатизм и предрассудки не могут не существовать в массах; но поощряются ли в вашей стране *правительством* оскорбления верованиям людей, не принадлежащих к господствующей религии?.. Позволят ли, например, какой-нибудь купеческой фирме в России взять себе торговой маркой (a trade-mark) какой-либо религиозный символ, – изображение Магомета, например?

Мы восстали в один голос. Ни наши думы, ни купеческие управы никогда не утвердили бы такой марки.

Индус печально повернулся к Гордону, Мёллю и другим англичанам.

– Как же вы, господа англичане, так охотно говорите о варварстве и деспотизме русских? Так высоко превозносите свой либерализм и свою гуманность, а между тем поощряете подобные оскорбления верованиям и национальным чувствам нашим! – сказал он, вынимая из кармана номер одной из больших индийских газет. – Посмотрите! Чье это изображение? – прибавил он, подавая номер хозяйке дома.

– Будды! – ответила она, взглянув. И все ее гости, склонившись над ней, подтвердили то же. – Но что ж это такое?

– А вот не угодно ли прочесть, какой скандал произошел в Бомбее из-за того, что компании англичан, торговцев чаем, вздумалось взять своей trade-mark изображение великого преобразователя, чтимого 500-ми миллионами людей...

И он прочел статью о глубоком негодовании, чуть ли не народном возмущении, произведенном самодурством одной купеческой фирмы, которую начальству вздумало поддерживать к великому скандалу всех здравомыслящих людей... Чтение это вызвало всеобщее искреннее негодование; но выражение лица молодого индуса-ведантиста меня положительно испугало, – такой глубокой злобой исказились его характерные черты и так *пожелтело* его коричневое лицо!..

– Ну, если бы таких, как этот, было много в Индии, – сказала я, наклонившись к Блаватской, – несдобровать бы там британскому престижу.

– Но, к счастью королевы Виктории, таких немного! – ответила она. – Магометанское население способней возмутиться, чем эти бедняки.

– По трусости? – спросила я.

– Отчасти... Но нет! Скорее из-за фанатизма, которого не искоренишь. Каждый буддист твердо верит, что он живет в фатальном периоде; что наступил *кали-юг* – «черный век», в продолжение которого всем суждены испытания и горе, которые не в силах отворотить сам великий Парабрам. «Надо смириться и терпеть *все*», – говорят они и терпят!» (*Желиховская В.П.* Два вечера с лондонскими индусами // *Новости и биржевая газета*, 1889, №237, 29 августа; см. также: <http://art-roerich.org.ua/blavatskaya/articles.html>).

В этом фрагменте упоминается сын В.П.Желиховской Ростислав Николаевич Яхонтов (1858–1824) – генерал-майор (1917), который в 1876–1904 гг. служил в 15-м драгунском Тверском полку (с 1891 г. 43-й драгунский Тверской полк). Его командир Мирза Гаджи-бек Новрузов (1832–?), азербайджанец, генерал-майор (1878), генерал-лейтенант (1896), командовал 15-м драгунским Тверским полком (1875–1878), который участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

³⁷ В «Московских ведомостях»: Оба.

нескольких почетных орденов, член многих ученых обществ и находится на хорошем счету в Азиатском Королевском Обществе. Жена, молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты*. На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской *богеми*, не найдется ни одного лавочника-англичанина; из дам, положительно, ни одной. «Помилуйте, – завопят либеральные барыни и барышни³⁸, юность которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, – помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми?*»...

Чем-то странным,³⁹ чудовищно невероятным покажется нашим русским читателям следующий замечательный факт: главной преградой между этим экс-браминским семейством и чванным англо-индийским обществом является их *обращение в христианство*, хотя и насильственное, как все такие обращения последних двух веков в португальской Гоа, где их крестили между тюрьмой и инквизицией с ее рафинированными пытками. Не потому, что они католики, а просто по той причине, что они *некогда были индусами* и что в них, как презираемых мулатах Америки, течет, по выразительной терминологии здешнего высокообразованного общества, «хамова кровь»; потому что они потомки «низшей» расы (half-castes) и наравне с «юразиями» (Eurasians, то есть евр-азиаты⁴⁰, имя, образовавшееся из слияния Европы и Азии) равно презираемы как туземцами, так и христианами-европейцами. Будь они чистые идолопоклонники-индусы, парсийцы или сыновья Пророка магометане, то раза два⁴¹ в год они еще имели бы шанс быть приглашенными на один из тех балаганных балов в «правительственном доме», когда этот дом, как бочонок с сельдями, набивается многими тысячами туземцев, которые наравне со стенными украшениями ставятся кругом в несколько рядов и затем забываются⁴².

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы ввиду всего этого предпочитают временное унижение и все страдания «очищения», как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые⁴³ нам пришлось высидеть до⁴⁴ обеда с браманами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману – обед с иностранцами и людьми других каст – объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *оскверниться* нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб-Лал-Синга⁴⁵, он обещал ему показать нашему обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браманами, дабы сохраняя на вид мертвую букву закона, в то же время ловко вывертываться при экстренных случаях из-под его железной руки. К тому же, он сильно желал, наш добродушный жирный хозяин, получить диплом от нашего общества и присоединиться к числу членов оною. Он слышал, что полковник О., главный «коллектор» (сборщик податей) его округа, принадлежал к «американскому обществу», и поэтому искал, быть может, прислужиться нам.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего *бабу* в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оною. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамана, тот становится⁴⁶ как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его

---

³⁸ В «Московских ведомостях»: миссы.

³⁹ В «Московских ведомостях»: И странным, чем-то.

⁴⁰ В «Московских ведомостях»: евр-азиаты.

⁴¹ В «Московских ведомостях»: раз, два.

⁴² В «Московских ведомостях»: затем – забываются.

⁴³ В «Московских ведомостях»: что.

⁴⁴ В «Московских ведомостях» далее: появления.

⁴⁵ В «Московских ведомостях»: Гулаб-Лалы-Синга.

⁴⁶ В «Московских ведомостях»: делается.

взирают на такого счастливца как бы на принадлежащего, по крайней мере, de jure⁴⁷ к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

---

⁴⁷ по праву (*лат.*).